

18+

Сергей Белоус

СОЛЯРИС МЁРТВЫХ

Сергей Белоус

Солярис мёртвых

«Издательские решения»

Белоус С.

Солярис мёртвых / С. Белоус — «Издательские решения»,

Ян хотел лишь одного — чтобы в его жизни хоть что-нибудь изменилось. Ночная свеча открывает путь в Солярис, академию, где свет хранит память, имя и волю человека. Чтобы вернуться домой, Ян должен понять правила чужого мира — и решить, сколько свободы можно отдать системе, обещающей безопасность.

© Белоус С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Свеча	6
Глава 2. За порогом	8
Глава 3. Пепел	13
Глава 4. Светильник	17
Глава 5. Голос	23
Глава 6. Зов	28
Глава 7. Порог	33
Глава 8. Первый урок	40
Глава 9. Спящий дар	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Солярис мёртвых

Сергей Белоус

© Сергей Белоус, 2026

ISBN 978-5-0071-3964-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Свеча

В метро я впервые подумал, что исчезнуть — это, наверное, не так уж сложно.

Не умереть. Именно исчезнуть.

Перестать отвечать на сообщения, не продлевать аренду, выбросить сим-карту и однажды не выйти на работу. Через неделю начальник оформит бумаги. Через месяц хозяйка квартиры выставит мои вещи в коридор. Ещё через полгода кто-нибудь из знакомых скажет: «А Ян-то куда делся?» — и разговор уйдёт к чему-нибудь более интересному.

Мысль была неприятная, поэтому я занялся делом: стал считать лампы за окном вагона.

На двадцать третьей поезд нырнул в тоннель.

Телефон показывал без двух минут полночь и четыре процента заряда. В рабочем чате спорили из-за таблицы, которую я уже трижды исправлял. Мама прислала фотографию кота соседки и спросила, ем ли я нормально. Я написал «да», хотя за весь день съел два пирожка из автомата. Отправлять не стал.

На моей станции из вагона вышли трое. Девушка сразу побежала к эскалатору. Мужчина в куртке остановился у схемы метро. Я никуда не торопился.

На улице моросило. Август ещё числился летом, но город об этом, похоже, не знал. Ветер загонял дождь под козырёк остановки, машины размазывали фары по мокрому асфальту. Я купил в круглосуточном магазине пельмени, хлеб и свечу.

Свечу я прихватил случайно. Она лежала у кассы среди батареек, зажигалок и дешёвых шоколадок: толстая, белая, в стеклянном стакане. Сто двадцать девять рублей.

— Пакет? — спросила кассирша.

— Нет.

Она посмотрела на пельмени, хлеб, свечу и всё-таки пробила пакет.

Дома холодильник гудел так громко, будто старался за двоих. Я бросил куртку на стул, включил компьютер и минут пять смотрел на монитор. Там висела таблица с красной ячейкой. Именно из-за неё рабочий чат не умолкал последние два часа.

Я закрыл таблицу, потом мессенджер и наконец выключил компьютер. Это оказалось неожиданно приятно.

Пельмени отправились в морозилку. Есть не хотелось. Свечу я зачем-то вынул из пакета и поставил на подоконник.

За окном был двор: парковка, детская площадка, тёмные окна соседнего дома. На пятом этаже кто-то курил на балконе. На девятом мигал телевизор. Всё это находилось совсем рядом, но сегодня мне туда не хотелось.

Я нашёл зажигалку в кухонном ящике. Фитиль загорелся со второго раза.

— Ну и что дальше? — спросил я.

Получилось глупо. Я даже оглянулся, хотя в квартире, кроме меня, никого не было.

Свеча потрескивала.

Я сел на подоконник и попробовал вспомнить, когда в последний раз ждал следующего дня просто потому, что там могло случиться что-нибудь хорошее. Не зарплаты, не выходных, не доставки — самого дня.

Не вспомнил.

Телефон завибрировал на столе. Начальник.

Я перевернул его экраном вниз.

— Хоть что-нибудь, — сказал я свече. — Мне уже всё равно. Только пусть что-нибудь изменится.

Вот после этого стало стыдно.

В тридцать лет сидеть ночью на кухне и разговаривать со свечкой — неплохой итог. Я потянулся, чтобы её задуть, и заметил, что пламя наклонилось в сторону комнаты.

Я убрал руку. Огонёк остался в том же положении.

Окно было закрыто. Форточки у меня вообще не было. Я проверил ладонью воздух возле стекла — никакого сквозняка.

— Очень смешно.

Пламя вытянулось ещё сильнее.

Свет в кухне погас. Холодильник умолк. Из комнаты исчезло голубое мерцание монитора. За окном разом погасли окна, фонари и красные точки на вышке за домами.

Телефон тоже не включался. Я нажал кнопку ещё раз, потом зажал её подольше.

— Авария, — сказал я вслух.

Собственный голос прозвучал непривычно близко. В кухне всегда было небольшое эхо от голой стены у стола. Теперь его не было.

Я поднял свечу.

Стол оказался на месте. Холодильник тоже. А дверного проёма не было.

Там, где начинался коридор, стояла ровная чёрная плоскость. Я видел край линолеума, дверной косяк, тапок, который утром пнул под стену, а дальше квартира просто заканчивалась.

Несколько секунд я искал нормальное объяснение. Отключение электричества. Обморок. Проблемы со зрением. Что угодно, лишь бы не то, что видел перед собой.

Потом подошёл ближе.

Пламя свечи потянулось к темноте. Оттуда пахло сухим жаром.

Я отступил.

В глубине что-то звякнуло. Стекло о металл. Через пару секунд звук повторился, потом ещё раз, уже дальше.

Один за другим в темноте зажигались огни.

Первый — шагах в десяти. Второй дальше. Третий едва виден. Они уходили туда, где должен был находиться мой санузел, лестничная площадка, соседняя квартира, улица и, если уж совсем придирается, остальная Москва.

Я простоял так, наверное, минуту. Можно было закрыть глаза, отойти от двери и дожждаться, пока всё вернётся. Можно было позвонить соседям, если телефон оживёт. Можно было вообще ничего не делать.

Я уже почти отступил. Потом подумал, что ждать, пока всё как-нибудь решится само, у меня и без того получалось слишком хорошо.

Свеча в руке погасла.

Первый светильник за порогом вспыхнул ярче.

— Ладно, — сказал я и поставил ногу на чёрный пол за порогом.

Он оказался тёплым.

Из темноты кто-то произнёс моё имя.

— Ян.

Глава 2. За порогом

Первое, что я сделал по ту сторону, — обернулся.

Кухня была на месте. Стол, холодильник, пакет из магазина на полу. Телефон всё ещё лежал экраном вниз. Только теперь я смотрел на всё это через дверной проём, в котором не было ни двери, ни стены — одна ровная граница между моей квартирой и чёрным каменным коридором.

Я шагнул назад.

И врезался плечом во что-то твёрдое.

Передо мной по-прежнему была кухня. До линолеума — полшага. Я протянул руку и упёрся ладонью в холодную гладкую поверхность. Провёл вправо, вверх. Невидимая стена закрывала весь проём.

Я поставил погасшую свечу на пол у стены, чтобы освободить руки.

— Ну конечно.

Я стукнул по ней костяшками. Звук получился глухой, каменный.

На кухонном столе завибрировал телефон.

Экран вспыхнул. Я успел увидеть имя начальника и почему-то рванулся к нему так, что снова ударился о преграду. Телефон дрожал, медленно полз по столешнице и замолчал у самого края.

— Давай ещё раз, — попросил я неизвестно кого.

Экран снова загорелся. На этот раз звонила мама.

Я ударил в стену ладонью.

— Мам!

Она, разумеется, не услышала. Телефон погас. Через несколько секунд исчез и стол. Не растворился — просто моргнул вместе с кухней, и вместо квартиры передо мной оказался чёрный камень.

Я ещё раз стукнул по нему, уже без надежды. Потом приложил лоб к холодной поверхности и постоял так немного.

В коридоре тихо потрескивал огонь.

Пришлось повернуться.

Светильники тянулись вдоль стен через равные промежутки. Теперь я мог их рассмотреть: узкие металлические клетки без стекла, внутри каждой горело небольшое жёлтое пламя. Пол был тёплым, сухим, припорошенным серой пылью. На стене возле ближайшего огня темнело старое пятно, похожее на копоть.

Я провёл подошвой по полу. Остался след.

Грязь хотя бы была понятной.

— Кто меня звал?

Никто не ответил.

— Ян, — напомнил я. — Моё имя вы уже знаете.

Ближайший огонь качнулся ко мне.

Я отступил. Пламя выпрямилось.

Сделал шаг вперёд — снова потянулось навстречу.

— Хорошо. Значит, слышишь.

Светильник звякнул. Тот самый звук, который я слышал ещё из квартиры.

Я не стал подходить ближе. Постоял, ожидая продолжения, но ничего не произошло. Тогда пошёл дальше.

После третьего светильника начало мутить. Сначала я списал это на нервы. После пятого пришлось остановиться и прислониться к стене. Сердце билось часто, во рту появился металлический привкус.

Огонь над головой стал меньше.

Я посмотрел назад. Два последних светильника едва тлели. Тот, возле которого я разговаривал, погас совсем.

— Это ещё что?

Ответом был короткий звон. Пламя впереди тоже просело, и коридор сразу стал уже, хотя стены не сдвинулись ни на сантиметр.

Я пошёл быстрее.

Через десяток шагов ноги сделались ватными. Пришлось остановиться возле очередного светильника. На металлической раме были нацарапаны значки — семь неровных зарубок, сделанных чем-то острым. Я не знал этих знаков. Один напоминал перевёрнутую вилку, другой — кривую восьмёрку.

Я провёл пальцем по первому знаку. В голове сразу возник смысл, хотя прочитать его я не мог: что-то про удержание света, про то, чтобы не дать ему погаснуть.

Я отдернул руку.

Я потёр палец о штаны и больше знаков не трогал.

Пламя почти исчезло.

Вместе с ним из коридора уходило тепло. Камень под подошвами остывал, а слабость навалилась так резко, что я присел у стены.

Я попытался встать и сразу сел обратно. Ноги не держали. До этого я мог отвлекаться на стены, дверь и светильники. Теперь стало ясно: если ничего не сделать, дальше я не пойду.

Я ухватился за металлическую раму, чтобы подняться.

Ладонь обожгло.

— Твою мать!

Я дёрнулся, потерял равновесие и машинально выставил другую руку. Пальцы прошли между прутьями прямо в огонь.

Жара не было.

Пламя обхватило два пальца и на мгновение стало ярче. Меня скрутило так, что я едва не упал на колени. Перед глазами поплыли серые пятна, желудок сжался.

Я вырвал руку из клетки.

Светильник горел ровно.

Через несколько секунд ожил следующий. Потом тот, что остался за спиной.

Я сел прямо на пол.

На ладони краснела полоса от металла. Пальцы, попавшие в огонь, выглядели нормально.

— Что за чёрт... — пробормотал я.

Я сидел, пока перестало мутить. Хотелось пить. Ещё неожиданно захотелось закурить, хотя я бросил четыре года назад. Больше всего хотелось домой.

Телефон остался там. Мамин звонок тоже. Наверное, она позвонила потому, что я так и не ответил на её сообщение.

Я поднялся.

За поворотом коридор выглядел менее торжественно. Один светильник висел криво. На стене кто-то оставил длинную царапину. В углу валялась обломанная металлическая пластина, а на полу отпечатались несколько подошв — человеческих, разных размеров.

Я присел возле следов. Один был совсем свежий: пыль ещё осыпалась с края.

Я зачем-то приложил подошву к одному из следов. Размер был почти мой. Потом заметил, что делаю, выпрямился и пошёл дальше по отпечаткам.

Минут через пять я увидел железную дверь. Низкую, со сбитой краской на ручке. На ней висела деревянная табличка, исписанная теми же знаками.

Я читать их не умел. После истории со светильником желание трогать неизвестные надписи руками заметно уменьшилось.

На табличке поверх старых знаков кто-то углём нарисовал две вертикальные черты и перечеркнул их косой линией.

Из-за двери донёсся шорох.

Я остановился.

Шорох повторился, затем кто-то трижды постучал.

Я подошёл ближе, но за ручку не взялся.

— Есть там кто-нибудь?

Тишина.

— Если понимаете меня, стукните один раз.

Два удара.

Я подождал.

За дверью снова заскребли. Теперь ниже, почти у пола.

Я ещё пару секунд смотрел на ручку, потом всё-таки отступил.

Где-то далеко ударил колокол. Низко, один раз. Звук прошёл по камню под ногами, и почти сразу из-за двери раздался такой удар, что створка дрогнула в раме.

Я отпрыгнул.

Второй удар пришёлся выше. Потом что-то тяжёлое медленно провело по железу сверху вниз.

Я решил, что свежие следы на полу заслуживают доверия больше, чем неизвестный собеседник, и пошёл за ними.

Через пару поворотов шаги вывели меня в круглый зал. Семь проходов, каменная чаша в центре, над ней на цепях висел огромный светильник. Его белое пламя било почти как дневная лампа и после полумрака резало глаза.

Возле чаши кто-то возился с цепью.

— Держи, чтоб тебя, — сказала женщина.

Она стояла ко мне спиной, зажав одну из цепей под мышкой, и пыталась вставить в крепление тонкую металлическую пластину. Тёмные волосы были кое-как собраны на затылке. Серая длинная одежда мешала ей работать, и она несколько раз сердито пнула подол пяткой.

Я кашлянул.

— Простите.

— Поставь туда.

Она даже не обернулась.

— Что?

— Короб. На пол поставь. Я сейчас... да чтоб тебя.

Цепь дёрнулась. Женщина отскочила, пластинка со звоном упала в чашу.

Только тогда она посмотрела на меня.

Секунды две мы молчали.

— А ты кто?

— Ян.

Она не ответила. Взгляд скользнул по моей одежде, кроссовкам, пустым рукам и задержался на красной полосе поперёк ладони.

— Где короб?

— Какой короб?

— Который ты должен был принести.

— Я вообще ничего вам не должен был приносить. Я минут десять назад был дома.

Женщина нахмурилась и посмотрела в проход за моей спиной.

— Из западного пришёл?

Я обернулся. Никаких указателей на стенах не было.

— Если это западный, то да.

— Не умничай. Откуда вошёл?

— Из кухни.

Она уже нагнулась за пластинкой, но на слове «кухни» остановилась.

— Из чего?

— Комната такая. Там готовят.

— Я знаю, что такое кухня.

Она выпрямилась. Раздражение никуда не исчезло, но теперь женщина смотрела на меня внимательнее.

— Покажи руку.

— Зачем?

— Потому что ты обжёгся о ходовой светильник, а стоишь на ногах. Или я ошиблась?

Я посмотрел на полосу.

— Металл был горячий.

— Это я вижу.

Она подошла и, не дожидаясь разрешения, взяла меня за запястье. Пальцы оказались холодными. Перевернула ладонь, провела большим пальцем по коже, потом отпустила.

— Где твой светильник?

— Там их много.

— Твой.

— У меня с собой только...

Я хотел сказать «свеча» и вспомнил, что оставил её погасшей у порога. Заодно вспомнил пакет, телефон и кухню, которой больше не было.

— Ничего у меня нет.

Женщина отвернулась к чаше.

— Имя ещё раз.

— Ян.

Она достала из-за пояса связку металлических пластинок и быстро перебрала их. На каждой были выбиты строки мелких знаков. Несколько раз она возвращалась к началу, сверяясь с отметками на краях.

Я спросил, что она ищет.

— Тебя. Не мешай.

На втором круге одна пластинка выскользнула у неё из пальцев. Она подняла её, сунула обратно не в то место, выругалась и снова стала перебирать связку.

— Здесь тебя нет.

— Где — здесь?

Женщина подняла голову.

Белый светильник над чашей мигнул.

Она сразу перестала заниматься пластинками.

— Как ты прошёл ходовой?

— Я просто шёл по коридору.

Она посмотрела на меня уже без прежнего раздражения.

— Ян. Нормально объясни.

Я показал на ладонь.

— Свет начал гаснуть. Мне стало плохо. Я схватился за решётку, упал, полез рукой в огонь. Случайно. После этого всё снова загорелось.

Пластинки больше не звякали. Она держала связку в опущенной руке и слушала.

— Ты трогал огонь голой рукой?

— Получается, да.

— И ожога от огня нет.

— Я же руку туда сунул.

Из прохода, по которому я пришёл, донёлся низкий удар колокола.

Второй удар прозвучал ближе.

Женщина замерла, потом резко повернулась к проходу.

— Дверь, — сказала она.

— Я не открывал.

Она уже бежала к проходу.

Из коридора донёлся металлический грохот.

Женщина остановилась так резко, что я едва в неё не врезался.

— Теперь открылась сама.

Глава 3. Пепел

Женщина сунула связку пластинок за пояс и рванула к проходу. Я остался возле чаши, но ненадолго: из коридора донёсся скрежет, потом короткий удар, и одиночество вдруг перестало казаться хорошей идеей.

Я догнал её у железной двери. Она стояла боком, не касаясь ручки. Створка сама отошла от косяка на несколько сантиметров. Из щели тянуло жаром и пахло гарью.

— Назад, — сказала женщина.

Я остановился.

Она присела возле порога и провела пальцем по серому налёту. Потом достала из складки на поясе маленький жестяной коробок и стряхнула туда то, что осталось на коже.

— Это пепел?

— Да.

Я посмотрел на коробок.

— Зачем вы его собираете?

— Чтобы ты в него не наступил.

Ответа явно не хватало, но женщина уже убрала коробок и сняла с пояса свой светильник. Я раньше его не заметил: плоский, с мутным стеклом и короткой ручкой. Она повернула кольцо сбоку, и огонь внутри стал ярче.

— Здесь стой.

На этот раз я послушался.

Она потянула дверь на себя.

За ней продолжался коридор. Стены дальше были закопчены, два настенных светильника висели криво, ещё один лежал на полу. Вокруг него камень почернел и растрескался. Серый слой покрывал всё от стены до стены.

Женщина тихо выругалась.

— Это давно?

— Если бы давно, я бы не ругалась.

Она шагнула внутрь, осторожно выбирая место для ног. Я только теперь заметил, что она не наступает на более тёмные участки пепла.

— Там что-то есть?

Она не ответила. Присела возле одного пятна, посветила сбоку и достала металлическую пластину. Краем пластинки осторожно сдвинула верхний слой.

Под ним показался отпечаток босой ступни.

Я невольно подался вперёд.

— Чей?

— Не знаю.

Я посмотрел на неё. До этого она отвечала так, будто здесь всё ей знакомо.

Она заметила мой взгляд.

— Я обслуживаю ходовые. Я не прорицательница.

Я кивнул и больше не лез с вопросами.

Следов оказалось несколько. Они начинались посреди коридора и уходили за поворот. Женщина считать их не стала. Вместо этого собрала пепел с края ближайшего отпечатка в тот же жестяной коробок, защёлкнула крышку и вернулась к двери.

— Всё?

— Нет. Но дальше я одна не пойду.

Она захлопнула створку и вставила в паз возле ручки длинную пластину. Металл щёлкнул.

— А почему меня тогда оставили здесь?

— Потому что ты не считаешься.

— Не в этом смысле. У тебя нет светильника. Для закрытого хода ты сейчас пустое место. Я хотел спросить, хорошо это или плохо, но она уже повернулась обратно к залу.

— И пепел с брюк не стряхивай.

Я посмотрел вниз. Низ джинсов был серым почти до колен.

— Почему?

— Потому что я только что попросила.

Мы пошли к чаше. Через пару шагов женщина всё-таки добавила:

— Его собирают отдельно.

— От чего?

— От всего.

Я не понял, была это шутка или она больше не собиралась объяснять.

В круглом зале появился мужчина с деревянным коробом. Невысокий, широкоплечий, запыхавшийся. Увидев нас, он поставил короб на пол и вытер лоб рукавом.

— Ирна, западный опять встал?

Так я наконец узнал её имя.

— Закрыла, — сказала Ирна. — До обхода не открывать.

Мужчина кивнул, потом заметил меня.

— А это кто?

— Ян.

Он подождал продолжения.

Продолжения не было.

— И?

— И ничего. В списках нет, светильника нет, пришёл через западный ход.

— Без светильника?

— Именно.

Мужчина посмотрел на мои кроссовки, потом на серую пыль на джинсах.

— Он ещё и через пепел ходил?

— Краем зацепил.

Я решил не уточнять, что на краю оказался почти по колено.

— Сними обувь, — сказал мужчина.

— Зачем?

— Чтобы потом не чистить весь зал.

Это было первое правило этого места, которое я понял сразу.

Я сел на край каменной чаши и стянул кроссовки. Носок на правой ноге оказался с дыркой у большого пальца. Мужчина посмотрел на неё, но промолчал. Ирна тоже. Почему-то именно этого мне не хватало для полного унижения.

— Куда пепел?

Ирна поставила рядом жестяной коробок.

Мужчина вытряхнул мои кроссовки над ним, постучал подошвами друг о друга и вернул мне. Серой пыли набралось неожиданно много.

— И что с ним делают?

— С пеплом? — переспросил мужчина.

— Да.

Он посмотрел на Ирну.

— А ему никто не объяснил?

— Ему пока вообще никто ничего не объяснил.

— Тогда я тоже не буду.

Он открыл принесённый короб.

Внутри лежали маленькие светильники, каждый размером примерно с кружку. Пять стояли в отдельных гнёздах. Шестой лежал сбоку, обёрнутый грубой тканью.

Ирна нахмурилась.

— Почему шесть?

— В листе шесть.

— Я заказывала пять.

Мужчина достал из кармана сложенный лист. Ирна прочитала его, повернула к свету, провела ногтем по нижнему краю.

— Печать моя.

— Я знаю.

— Почерк не мой.

Мужчина пожал плечами.

— Мне выдали короб и лист. Я принёс короб и лист.

Никакой мистики в его голосе не было. Просто человек, которому очень не хотелось отвечать за чужую ошибку.

Ирна ещё раз пересчитала светильники.

— Пять в кладовую. Этот оставь.

— Списать?

— Сначала посмотреть.

Мужчина снял ткань с шестого.

Стекло было треснуто от верхнего края до металлического основания. Внутри темнел короткий фитиль. Пламени не было.

Я подошёл ближе, но на этот раз ничего не трогал.

— Это и есть личные светильники?

— Заготовки, — сказал мужчина.

— А потом?

Он снова посмотрел на Ирну. У них, похоже, существовал молчаливый договор не рассказывать мне больше необходимого.

— Потом перестают быть заготовками.

Ирна взяла треснувший светильник обеими руками и поставила на каменный край чаши.

— Ты его проверял?

— Конечно.

— Чем?

— Пустой ход, холодная игла, зеркало. Всё как положено.

— И?

— Пустой.

Я смотрел то на него, то на Ирну.

— Пустой от чего?

— Ян, — сказала она.

Я замолчал.

Внутри треснувшего светильника что-то тихо пересыпалось.

Ирна замерла.

Мужчина сразу перестал собирать остальные.

Она наклонила светильник. Из трещины на камень высыпалось немного серого порошка.

Того же цвета, что лежал за закрытой дверью.

Мужчина выругался.

Ирна не стала собирать этот пепел пальцами. Взяла новую пластину, поддела им серую кучку и сдвинула в сторону.

Внутри блеснуло белое.

Сначала я подумал, что это стекло. Кусочек был маленький, длиной с ноготь, гладкий с одной стороны и пористый на сколе.

Я такие видел раньше. В школьном кабинете биологии, в коробке с разобранным скелетом.

— Это кость?

Ирна подняла на меня глаза.

Мужчина ответил вместо неё:

— Не должна быть.

Он подошёл ближе, но светильника не коснулся.

— Я сам его проверял, Ирна. Там ничего не было.

Она перевернула кусочек металлической пластиной.

На обратной стороне темнело обугленное пятно.

— Когда? — спросила она.

— Перед тем как положить в короб.

— Один был?

— Один.

— Кто дал шестую строку?

Мужчина открыл рот, потом закрыл. Взял лист, ещё раз посмотрел на печать.

— Не знаю.

Он несколько секунд смотрел на лист, не двигаясь.

Ирна взяла жестяной коробок с пеплом из закрытого хода, поставила рядом с тем, что высыпался из светильника, и долго смотрела на оба.

Потом закрыла треснувшую заготовку тканью.

— Никому её не отдавай.

— А куда?

— Пока сюда.

— Ирна, она пришла пустой.

— Я слышала.

Он не уходил.

— Пустой, — повторил мужчина тише.

Глава 4. Светильник

После слов «пустой» никто не торопился объяснять мне, что именно должно было отсутствовать внутри заготовки.

Ирна завернула треснувший светильник обратно в ткань и велела мужчине отнести остальные пять в кладовую. Он взял короб, но перед уходом ещё раз ткнул пальцем в шестую строку на листе.

— Я это не писал.

— Я знаю, Тарен.

— И печать не ставил.

— Печать моя.

— Вот именно.

Он ушёл недовольный, будто это Ирна подделала собственный заказ исключительно затем, чтобы испортить ему смену.

Я остался босиком возле чаши. Кроссовки стояли рядом, носки уже успели набрать каменной пыли.

— Можно обуться?

Ирна посмотрела на мои ноги.

— Можно.

Я обулся. После всего произошедшего этот маленький успех почему-то порадовал сильнее, чем следовало.

Ирна тем временем убрала жестяной коробок с пеплом в нишу под чашей, заперла её металлической пластиной и только потом занялась мной.

— Руку.

— Опять?

— Другую.

Я протянул правую. Она развернула ладонь вверх, посмотрела на пальцы, которыми я касался огня в ходовом светильнике.

— Болит?

— Нет.

— Онемение?

Я пошевелил пальцами.

— Вроде нет.

— «Вроде» мне не подходит.

— Тогда нет.

Она отпустила руку и сняла со стены пустую металлическую клетку размером с кулак. Поставила передо мной.

— Коснись.

Я не стал.

Ирна подождала.

— Вы минут двадцать говорите мне ничего не трогать.

— Теперь говорю трогать.

Я коснулся клетки указательным пальцем.

Ничего.

— Ещё раз.

Я взял клетку в руку. Холодный металл, немного шероховатый на стыке. Никаких голов, обмороков и внезапных знаний.

— Что должно случиться?

— Ничего. Поставь.

Я поставил.

Ирна наконец села на край чаши. Впервые за всё время я увидел её без дела в руках. Она потёрла переносицу, потом зачем-то пересчитала пластины на поясе.

— Мне нужно отвести тебя к смотрителю приёма.

— Хорошо.

— Это не значит, что тебя примут.

— Куда?

Она посмотрела на меня.

— Ты правда ничего не знаешь?

Я чуть не ответил привычным «нет», но остановился. Вопрос был настолько широкий, что на него можно было отвечать до утра.

— Я знаю, что минут сорок назад был дома. Знаю, что здесь светильники делают людям плохо или хорошо, смотря как повезёт. Знаю, что за той дверью пепел, который нельзя разносить. Ещё знаю ваше имя. Всё.

Ирна слушала, глядя куда-то мимо моего плеча.

— И что такое кухня, — добавил я.

Уголок её рта дёрнулся. Может, показалось.

— Это Солярис.

Я ждал продолжения.

— И?

— Академия.

Слово оказалось настолько нормальным, что сначала я решил, будто неправильно понял.

— Какая академия?

— Солярис Мёртвых.

— Это название?

— Уже очень давно.

— А мёртвых кого?

Ирна наконец посмотрела на меня.

— Не знаю, кто его придумал. Но нет, студенты здесь не покойники.

— А я?

— Вот это как раз проверим.

Она встала.

— Пойдём.

— Куда?

— К человеку, который умеет отличать живых от проблем.

— Обнадеживает.

— Дорн старается.

Я не двинулся.

Ирна сделала два шага, заметила это и остановилась.

— Я человек.

— Я вижу.

— Тогда почему «что»?

Она задумалась, потом пожала плечом.

— Потому что пока я знаю о тебе меньше, чем хотелось бы.

Мы вышли из круглого зала через проход, которым я раньше не ходил. Здесь стены были светлее, а светильники закрыты стеклом. Встречались двери. Настоящие, деревянные, с ручками и табличками. Из-за одной пахло чем-то варёным. Из другой вышла девушка с ведром, увидела меня, остановилась, посмотрела на Ирну и молча вернулась обратно.

— Это сейчас что было?

— Лиана.

— Я про то, почему она спряталась.

— У тебя странные штаны.

Я посмотрел на джинсы.

— У неё ведро само светилось.

Ирна уже шла дальше.

Чем дальше мы шли, тем меньше место походило на подземелье. Один коридор пересекал другой. По лестнице сверху сбежали двое парней в одинаковых серых куртках; один нёс стопку книг, второй ел что-то похожее на яблоко. Они спорили о пересдаче и едва не врезались в Ирну.

— Ходите глазами, — сказала она.

Оба извинились. Один заметил меня и оглянулся уже с нижней ступени.

Я оглянулся тоже. Парень сразу отвернулся.

— Здесь все так смотрят на новичков?

— На новичков нет.

Ирна открыла боковую дверь.

За ней была небольшая комната с длинным столом. На стенах висели десятки светильников. Большинство не горело. Несколько светились жёлтым, два — зеленоватым, один неприятно красным.

За столом сидел старик и ел суп.

Ирна остановилась.

— Серьёзно?

Старик поднял ложку.

— Обед.

— Сейчас ночь.

— Я с обхода с рассвета. Дай поесть.

Он спокойно доел ложку, вытер усы и только после этого посмотрел на меня.

— Этот?

— Этот.

— Где его светильник?

— Нет.

Старик снова посмотрел на меня, уже внимательнее.

— Потерял?

— Не было.

— Так не бывает.

— Сегодня много чего не бывает.

Старик отодвинул миску. Под ней обнаружилась стопка бумаг, и Ирна недовольно переставила суп на край стола.

— Имя? — спросил он.

— Ян.

— Полное.

Я назвал имя и фамилию.

Он потянулся к толстому журналу, раскрыл примерно посередине и стал листать. Страницы были исписаны теми же знаками. Я смотрел на них издали и ничего не понимал.

— Возраст?

— Тридцать.

Старик перестал листать.

— Тридцать чего?

— Лет.

Он посмотрел на Ирну.

— Я предупреждала, — сказала она.

— Нет, не предупреждала.

— Теперь предупреждаю.

Старик пробормотал что-то себе под нос и продолжил искать.

— Место рождения?

Я назвал город.

— Область?

Назвал.

— Контур?

— Что?

Старик сделал пометку.

— В книге его нет.

— В моих пластинах тоже.

— Значит, не принимали.

— Он прошёл западным ходовым.

Старик замер с рукой на обложке.

— Без светильника?

— Да.

— Не мог.

— Мог. Стоит перед тобой.

Старик встал. Он оказался ниже, чем я ожидал, и сильно хромал на левую ногу. Подошёл, попросил показать ладони, затем глаза. Велел открыть рот.

— Зачем?

— Зубы посмотрю.

— А зубы что скажут?

— Открой рот, Ян.

Я открыл рот.

Он действительно осмотрел зубы. Потом потрогал шею, посчитал пульс и ткнул пальцем мне под рёбра. Я согнулся.

— Живой, — сообщил старик.

— Спасибо.

— Пока.

Ирна шумно выдохнула через нос.

— Дорн.

Дорн недовольно покосился на неё.

— Что? — спросил старик.

— Не пугай его ради удовольствия.

— Я не ради удовольствия. Я фиксирую состояние.

Он вернулся к столу, достал чистый лист и написал несколько строк.

— Без записи я его дальше не пропущу.

— Запиши.

— На каком основании?

— На основании того, что он уже дальше.

Дорн посмотрел на меня, потом на дверь.

— Временно, — решил он. — До первого разбора.

— Меня устраивает, — сказал я.

Дорн уже склонился над листом и на мой ответ не отреагировал.

Он поставил на лист печать и протянул Ирне.

— Светильник нужен до рассветного цикла. Без него ходовые начнут его выталкивать.
— Уже начали.
Дорн нахмурился.
— Насколько?
— Пять секций погасли. Он полез рукой в огонь.
Старик медленно повернул голову ко мне.
— Зачем?
— Упал.
— А.
Дорн кивнул и записал что-то на полях.
— Ожог?
— От металла. От огня нет.
Дорн поднялся снова.
— Покажи.
Я показал.
Он долго смотрел на пальцы, потом вытер свои о халат, хотя меня почти не касался.
— Дай ему обычную заготовку.
— У меня пять на цикл. Все распределены.
— Тогда из резерва.
— Резерв закрыт до утра.
Дорн посмотрел на стену со светильниками.
— Сними учебный.
— Они привязаны к залу.
— Тогда пусть сидит здесь.
Я вмешался:
— Простите, а вариант с дверью обратно домой где-нибудь в списке есть?
Они оба посмотрели на меня.
Я понял ответ раньше, чем кто-то заговорил.
— Пока нет, — сказала Ирна.
«Пока» было лучше, чем «никогда». Я за него и уцепился.
Дорн вернулся к супу. Тот уже остыл, но его это, кажется, не волновало.
— Найди ему светильник и койку. Утром — на разбор. Если до утра начнёт тухнуть, тащи сюда.
— Кто начнёт тухнуть? — спросил я.
Дорн указал ложкой на меня.
— Ты.
Ирна взяла лист с временной записью и вышла. Я пошёл за ней.
Мы почти дошли до круглого зала, когда она остановилась.
Я сначала решил, что снова что-то случилось с западным ходом. Но Ирна смотрела на каменную чашу.
Треснувшая заготовка лежала там, где мы её оставили.
Ткань сползла на пол.
Внутри светильника горел слабый синий огонь.
Ирна подошла ближе.
— Не трогай.
Я остановился в нескольких шагах.
Она взяла металлическую пластину и осторожно подвинула светильник. Огонь не изменился.
— Он же был пустой, — сказал я.

— Был.

— И не горел.

— Я помню.

Ирна поднесла к стеклу свою ладонь. Пламя осталось на месте. Потом посмотрела на меня.

Я понял, чего она хочет.

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— И не надо.

Она убрала руку.

— Хорошо. Не будем.

Я уже приготовился спорить, поэтому несколько секунд просто стоял.

Ирна снова накрыла светильник тканью, на этот раз плотнее, и закрепила её металлической скобой.

— Пойдём искать резерв.

Мы сделали несколько шагов. За спиной тихо звякнул металл.

Ирна остановилась. Я тоже.

Под тканью стало светло.

Синий огонь разгорался.

Глава 5. Голос

Ирна не стала снимать ткань со светильника.

Она вернулась к чаше, проверила скобу, потом принесла из кладовой железный ящик с ручками по бокам. Ящик оказался тяжёлым: по дороге она дважды ставила его на пол, ругалась и не дала мне помочь.

— Я могу донести.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я сказала не трогать то, что рядом с ним.

Я посмотрел на ящик.

— Он тоже считается «рядом»?

Ирна молча подняла его снова.

Она поставила светильник внутрь, закрыла крышку и защёлкнула два замка. Синий свет исчез.

Через несколько секунд тонкая полоска проступила по краю крышки.

Ирна заметила её, но ничего не сказала.

Мы вернулись к Дорну.

Он всё ещё сидел над журналом. Миска с супом стояла рядом, пустая. На столе появилось мокрое кольцо от кружки и две новые стопки бумаг.

Ирна поставила ящик на пол.

— Резерв закрыт, — сказал Дорн, не поднимая головы.

— Знаю.

— Тогда зачем вернулась?

Она толкнула ящик носком сапога. Изнутри тихо звякнуло.

Дорн перестал писать.

Посмотрел на ящик. Потом на меня.

— Ты трогал?

— Нет.

— Ирна?

— Я тоже.

Дорн ещё немного посидел, будто надеялся, что проблема сама передумает быть проблемой.

— Ладно. Ждём ключ.

— А это? — спросил я.

Он снова взял перо.

— Пока стоит.

Никакого осмотра не началось. Никто не достал загадочную иглу и не потребовал от меня положить руку куда-нибудь опасное. Ирна сняла свой светильник с пояса, поставила на край стола и села на табурет. Дорн заполнял бумаги.

Я остался стоять.

Через минуту ноги начали ныть.

— Можно сесть?

Дорн кивнул на стул у стены.

Стул шатался. Я нашёл на подоконнике сложенный листок и подсунул под короткую ножку.

Дорн сразу протянул руку.

— Дай сюда.

— Он пустой.

— Это ведомость.

Он развернул лист. На обороте действительно были какие-то записи.

— Извините.

Дорн помял край, сунул бумагу в стопку и полез под стол. Нашёл деревянную щепку и кинул мне.

Я подложил её под ножку.

Несколько минут никто не говорил. В коридоре кто-то спорил. Женщина требовала вернуть «хотя бы половину», мужчина отвечал, что половины у него нет. Потом голоса ушли дальше.

Я начал засыпать сидя.

Ирна ткнула носком сапога в мой кроссовок.

— Не спи пока.

— Почему?

— Без светильника не надо.

Я протёр лицо ладонями. Хотелось кофе и душ. Потом вспомнился телефон — так резко, что я машинально полез в карман.

Карман был пуст.

Я посидел с рукой внутри, пока не понял, что делаю.

— Сколько времени прошло? — спросил я.

Дорн посмотрел на круглую пластину над дверью. Вместо стрелок там медленно двигались три светлых точки.

— С чего?

— С момента, когда я сюда попал.

Он пожал плечами.

Ирна ответила, не поднимая головы:

— Чуть больше часа.

Я бы дал четыре.

Под крышкой железного ящика свет стал слабее.

— Он гаснет.

Дорн подошёл к ближайшему настенному светильнику. Жёлтое пламя там тоже просело.

Я встал и сразу сел обратно. Сердце забилося быстро, во рту снова появился металлический привкус.

— Ключ долго ждать?

Ирна поднялась.

— Пойду сама.

— Решётка на пересмене, — сказал Дорн.

— Найду старшего.

Она ушла.

Дорн проводил её взглядом, затем вернулся к столу.

Мы остались вдвоём.

Я попытался не смотреть на ящик. Получалось плохо.

— Светильник зачем вообще нужен? — спросил я.

Дорн продолжал писать.

— Чтобы ходовые тебя видели.

— И всё?

— Нет.

— А остальное?

— Потом.

Я махнул рукой. Спорить всё равно не хотелось.
Свет под крышкой ещё немного ослаб.
У меня задрожали пальцы.
Дорн заметил это раньше меня.
— Встань.
Я поднялся, держась за спинку стула.
— Сядь.
— Я только что встал.
Он уже копался в нижнем ящике стола.
Достал металлический обруч с двумя короткими цепочками. Одну прицепил к настенному светильнику, вторую защёлкнул у меня на запястье.
— Это что?
— Подпорка.
Через несколько секунд стало легче дышать. Ненамного, но достаточно, чтобы я это заметил.
— Так можно было сразу?
— Нет.
— Почему?
Дорн глянул на мою руку.
— Потому что сейчас ты уже валишься.
Он подошёл к двери и крикнул Ирну. Ответа не было.
Железный ящик тихо ударило изнутри.
Один раз.
Дорн повернулся.
Я тоже.
Больше ничего не произошло.
— Там же светильник, — сказал я.
— Вижу.
— Он может стучать?
Дорн не ответил.
Свет под крышкой стал ярче.
Цепочка на моей руке натянулась сама.
Обруч обжёг запястье. Я выругался и дёрнул рукой. Дорн быстро расстегнул металл.
Следа не осталось.
— Болит?
— Уже нет.
Ящик звякнул.
Я услышал слово.
Очень тихо. Сначала решил, что Дорн пробормотал что-то себе под нос.
— Что?
— Я ничего не говорил.
Я посмотрел на него.
Потом снова на ящик.
— Не этот, — повторил голос.
У меня похолодела спина.
— Здесь кто-то есть?
Дорн перестал возиться с обручем.
— Что ты услышал?
— «Не этот».

— Где?

— Откуда я знаю где?

Я встал. Ноги держали плохо, но сидеть стало невозможно.

Дорн подошёл к ящику.

— Не открывайте.

Он остановился.

— Почему?

— Не знаю. Не открывайте.

Несколько секунд он смотрел на меня. Потом отступил.

Я почему-то ожидал, что он отмахнётся. Когда Дорн послушался, ладони вспотели.

Мы подождали.

Ничего.

Дорн снова выглянул в коридор.

— Ирна!

Ответа не было.

— Она далеко?

— Нет.

Голос сказал:

— Ян.

На этот раз отчётливо.

Я схватился за край стола.

— Опять? — спросил Дорн.

Я кивнул.

— Что?

— Моё имя.

Он подошёл к настенному светильнику, проверил огонь, коснулся решётки. Делал это быстро, без объяснений.

— Такого до привязки не бывает, — сказал он наконец.

— Точно?

Дорн посмотрел на меня.

— Точно.

До этого Дорн почти на всё отвечал «не знаю». Здесь не сомневался.

Ящик снова звякнул.

И тут я вспомнил коридор за кухней.

— Он уже звал меня.

— Когда?

— Сразу после перехода. В темноте. Кто-то сказал «Ян».

Дорн снял очки, хотя до этого я не замечал, что они вообще у него были: тонкие, почти прозрачные, лежали на переносице.

— Почему ты не сказал?

— Мне было чем заняться.

Он потёр глаза.

— Да уж.

Ирна вернулась не одна. За ней шёл сонный парень лет двадцати с огромной связкой ключей.

— Нашла, — сказала она.

Парень зевнул.

— Я не старший. Старший спит.

— Ты с ключом?

— С ключом.

Дорн встал у двери.

— Не понадобится.

Ирна посмотрела на снятый обруч, потом на меня.

— Что случилось?

— Он слышит голос.

Она замерла.

— Из заготовки?

— Похоже.

Сонный парень перестал зевать.

— Я могу уйти?

— Пока нет, — сказал Дорн.

Ящик царапнуло изнутри.

Парень отступил на шаг.

— Теперь могу?

Никто ему не ответил.

Голос снова оказался рядом, почти у самого уха.

— Не отдавай.

Я дёрнулся и ударился бедром о стол.

Ирна схватила меня за плечо.

— Что?

— Оно не хочет в резерв.

Она не стала спрашивать, почему я решил, что речь именно об этом. Просто посмотрела на ящик.

Синий свет под крышкой стал ярче.

Я ждал следующего слова и очень надеялся, что его не будет.

Голос сказал:

— Я ждал тебя.

Глава 6. Зов

Я не стал повторять последние слова вслух.

Ирна ждала. Дорн тоже. Парень с ключами прижался плечом к косяку и явно сожалел, что вообще согласился проснуться.

— Что ещё? — спросила Ирна.

— Ничего.

Она задержала на мне взгляд, но спорить не стала.

— Открывай резерв, — сказала парню.

— Так я для этого и пришёл.

Связка у него оказалась размером с небольшую люстру. Он перебирал ключи долго, дважды начинал сначала, потом наконец нашёл тонкий чёрный и показал Дорну.

— Этот?

— Нет.

— Тогда зачем он у меня?

— Понятия не имею.

Через пять минут нужный ключ нашёлся в кармане у самого Дорна.

Ирна ничего не сказала. Просто села обратно на табурет.

Я тоже промолчал. Мне уже не хватало сил даже на злорадство.

Резерв оказался комнатой за приёмной. Полки до потолка, деревянные ящики, запах масла и сухой ткани. На каждой полке лежали светильники. Сотни, наверное. Одни совсем маленькие, другие размером с чайник. Большинство были одинаковыми, но попадались кривые, вытянутые, с цветным стеклом или с ручками, похожими на рога.

— Выбирают по размеру? — спросил я.

Дорн снял с полки простой круглый светильник.

— Нет.

— По чему тогда?

— По тому, какой не испортится.

Он поставил его на стол и велел мне держать ладони рядом, не касаясь металла.

Я сделал.

Ничего не произошло.

Дорн подождал, перевернул светильник и постучал по доньшку. Потом взял другой.

С третьим вышло то же самое.

На четвёртом огонь внутри появился на секунду и тут же погас.

— Ещё, — сказал Дорн.

Парень с ключами принёс ещё два.

Ирна ушла куда-то и вернулась с кружкой. Судя по запаху, там был чай. Она пила, прислонившись к стене, и уже не следила за каждой попыткой.

На восьмом светильнике я начал злиться.

— А если просто взять один и носить?

— Можно, — сказал Дорн. — Пользы не будет.

— Но ходовые будут меня видеть?

— Светильник — не пропуск. Он должен держать твой свет.

— Какой мой свет?

Дорн молча поставил девятый.

Я посмотрел на Ирну.

— Он всегда так объясняет?

— Сегодня разговорчивый.

На десятом Дорн остановился. Провёл ладонью по лицу и присел на край стола.

— Всё. Хватит.

Парень с ключами оживился.

— Я могу идти?

— Иди.

Он исчез так быстро, что связка ключей ещё несколько секунд звенела в коридоре.

— И что теперь? — спросил я.

Дорн посмотрел на железный ящик.

Я тоже.

— Нет.

— Я ничего не сказал.

— Вы все сегодня очень выразительно молчите.

Ирна допила чай и поставила кружку на полку между двумя заготовками.

— Обычный светильник тебя не принимает.

— Может, потому что я не отсюда.

Дорн поднял голову.

— Возможно.

— Отлично. Хоть в чём-то прогресс.

— Ян, не начинай.

Я хотел огрызнуться, но вместо этого сел на ближайший ящик. Перед глазами поплыло.

Дорн тут же оказался рядом.

— Дыши спокойно.

— Я и так дышу.

— Плохо.

Он полез расстёгивать ворот, которого не было, потом понял, что держит футболку за горловину, отпустил и выругался.

— Привычка.

— К чему?

— К нормальной одежде.

Ирна уже тащила железный ящик ближе.

— Временная привязка. Без имени, без закрепления, до разбора.

Дорн кивнул.

Я покачал головой.

— Он разговаривает.

— Поэтому и без закрепления.

— Очень утешает.

— У тебя есть предложение лучше?

Было. Вернуться домой. Проснуться. Оказаться в больнице после приступа. Даже объяснить начальнику, почему я не пришёл утром, внезапно казалось приемлемым вариантом.

Но в комнате снова стало темнее. Не резко — просто огни на полках один за другим просели. Вместе с ними у меня заложило уши.

Дорн откинул крышку железного ящика.

Синий свет ударил в потолок.

Я зажмурился.

— Не трогай его руками, — сказала Ирна. — Сначала клетка.

Она принесла металлический кожух, похожий на переноску для очень злой птицы. Светильник поставили внутрь и закрыли. Трещина на стекле осталась видна через прутья.

— Теперь что?

Дорн протянул мне кожаный ремень.

— На плечо.

— И всё?

— Если повезёт.

Я надел ремень. Клетка повисла у бедра. Она оказалась тяжелее, чем выглядела.

Синий огонь сразу уменьшился.

В комнате светильники на полках начали выравниваться.

Мне стало легче.

Не хорошо. Просто перестало казаться, что сердце пытается выбраться наружу.

Дорн посмотрел на Ирну.

— Пишем временным.

Она кивнула.

— А голос? — спросил я.

— Если услышишь — не отвечай.

— Почему?

Ирна помолчала.

— Потому что пока мы не знаем, кто там.

Это был первый ответ за вечер, который мне не захотелось оспаривать.

Дорн вернулся в приёмную и оформил ещё одну бумагу. Потом ещё одну. На третьей сломалось перо. Он поискал другое, не нашёл и дописал огрызком первого.

Я сидел у стены с клеткой на коленях.

Голос молчал.

Через какое-то время пришла женщина в тёмном халате и принесла мне одежду. Серые штаны, рубашку и мягкие ботинки без шнурков.

— Размер?

— Не знаю ваш.

Она окинула меня взглядом.

— Тогда этот.

Штаны оказались короткими сантиметров на пять.

— Других нет, — сказала женщина ещё до того, как я успел открыть рот.

Джинсы забрали «на очистку». Кроссовки тоже. Я остался в своих носках, один из которых был с дыркой, и в местных ботинках.

Ирна повела меня в жилой корпус.

По дороге Академия окончательно перестала походить на место, где меня должны были ритуально принести в жертву. В одном коридоре пахло хлебом. В другом кто-то выставил три пары мокрых сапог прямо перед дверью. На лестничной площадке две девушки сидели на полу, делили булку и спорили, кто завтра идёт первым на практику. У одной светильник висел на длинной цепочке у пояса и горел зелёным. У второй вместо обычного стекла была матовая белая колба.

Они замолчали, когда увидели меня.

Я прошёл мимо.

— Что? — спросил я у Ирны уже за поворотом.

— Ничего.

— Я видел.

— У тебя чужая одежда, клетка карантинного типа и ты идёшь со мной ночью. Они будут обсуждать тебя до завтрака.

— Спасибо.

— Не за что.

Комната оказалась на третьем этаже. Четыре кровати, два шкафа, один стол. Три кровати были заняты. На одной лежал парень и спал лицом к стене. На второй кто-то оставил книги, ремни и половину яблока. Третья была застелена идеально, но под ней торчали сапоги.

Ирна указала на свободную.

— Здесь.

— А остальные?

— Увидишь утром.

Она уже собралась уходить.

— Ирна.

Она обернулась.

Я хотел спросить, что значит «Солярис Мёртвых». Хотел спросить про маму, про квартиру, про то, вернусь ли я вообще. Вместо этого показал на клетку.

— Если он заговорит?

— Разбуди дежурного.

— Кто дежурный?

Спящий парень на первой кровати поднял руку, не поворачиваясь.

— Я.

Ирна ушла.

Я сел на кровать.

Матрас был набит чем-то шуршащим. Подушка пахла мылом и чужим потом. На стене возле изголовья кто-то нацарапал три имени, одно зачеркнул.

Дежурный наконец повернулся. Молодой, рыжий, с опухшим от сна лицом.

— Новенький?

— Похоже.

— Свет не ставь на пол.

— Почему?

— Ночью уборщица пинает.

Он перевернулся обратно.

— А если он в клетке?

— Тогда громче пинает.

Через минуту он снова спал.

Я поставил клетку на стол.

Синий огонь горел спокойно.

Снял ботинки, лёг. Одеяло оказалось коротким. Я натянул его до подбородка — открылись ноги. Закрыв ноги — замёрзли плечи.

Минут десять я ворочался.

Потом достал руку из-под одеяла и уставился на пустую ладонь. Телефона не было. Я всё ещё машинально ожидал почувствовать его вес.

Мама, наверное, уже позвонила ещё раз.

И ещё.

Я повернулся к стене.

За спиной тихо звякнуло стекло.

Я закрыл глаза.

Не отвечать.

Голос появился не сразу.

— Ян.

Я сжал край одеяла.

Молчал.

— Ты меня не помнишь.

Я открыл глаза.
Синий свет отражался на стене.
— А должен? — прошептал я.
После этого стало тихо.
Я успел пожалеть, что ответил.
Потом голос сказал:
— Нет.

Глава 7. Порог

Меня разбудили тем, что кто-то сел мне на ноги.

Я дёрнулся и ударился затылком о стену.

— Живой, — сказал незнакомый парень.

Он был худой, темноволосый и босой. Сидел поверх одеяла совершенно спокойно, будто проверял таким образом всех новых соседей.

— Слезь.

— Сейчас.

Он не слез.

С соседней кровати рыжий дежурный бросил в него носком.

— Лес, отстань от человека.

Носок попал парню в плечо. Тот наконец поднялся.

— Я проверял.

— Чем?

— Весом.

Я сел, потирая затылок.

В комнате было светло. Через высокое окно падало серое утро. За стеклом виднелся внутренний двор, окружённый корпусами. На противоположной крыше кто-то развешивал длинные полотнища ткани. Ни солнца, ни неба толком не было видно — над Академией висел ровный молочный свет.

Клетка стояла на столе.

Светильник горел.

Я первым делом посмотрел на него.

— О, — сказал худой. — Это твой?

— Не знаю.

— Хороший ответ.

Он сунул руку к клетке.

Я ударил его по пальцам раньше, чем успел подумать.

— Не трогай.

Парень посмотрел на свою руку, потом на меня.

— Понял.

Ни обиды, ни удивления. Он отошёл к шкафу и начал искать рубашку.

Рыжий представился Мелом. Худого звали Лес. Третью кровать занимал студент по имени Кас, которого в комнате не было: «У него наказание, он завтракает раньше всех и моет чаши».

— За что наказание? — спросил я.

Мел пожал плечами.

— За чаши.

— В смысле?

— Долго объяснять.

Я решил, что это местная традиция.

Одежду мне принесли другую. Штаны на этот раз были почти по размеру. Рубашка кололась у воротника, зато ботинки вернули мои — чистые, сухие и почему-то без шнурков.

— А шнурки?

Женщина, принесшая вещи, посмотрела в список.

— Не прошли очистку.

— Что с ними было?

— Пепел.

Она ушла.

Пришлось продеть в кроссовки две полосы ткани, которые дал Мел. Он предупредил, что назад не возьмёт.

В столовую мы пошли втроём. Светильник я нёс в клетке через плечо. Она стучалась о бедро при каждом втором шаге, и к концу лестницы я уже ненавидел её вес.

Коридоры утром были забиты студентами. Серые куртки, тёмные рубашки, длинные юбки, ремни со светильниками. Некоторые шли сонные, некоторые уже спорили. У одного парня над плечом летел светящийся шар, но окружающие воспринимали это так же, как у меня дома воспринимали человека с зонтом.

Столовая занимала два зала. Пахло кашей, хлебом и чем-то рыбным. На входе все прикладывали светильники к металлической рамке. Рамка коротко звенела, после чего человек проходил.

Я остановился.

— Что делать?

Мел посмотрел на клетку.

— Обычно — приложить.

— А необычно?

— Позвать кого-нибудь.

Мы позвали женщину в фартуке. Она увидела карантинную клетку и сразу помрачнела.

— Нет.

— Мне есть можно, — сказал я.

— Я не про тебя.

Она постучала пальцем по клетке.

— Это внутрь нельзя.

— А оставить где?

— Не знаю.

Очередь за нами начала расти.

Кто-то сзади сказал:

— Да пропустите вы его уже.

Женщина обернулась.

— Ты будешь потом столы отмывать?

— От чего?

— Вот и молчи.

В конце концов мне выдали поднос у двери, и я ел на подоконнике в коридоре. Мел остался со мной. Лес ушёл внутрь и вернулся через пять минут с тремя булочками в карманах.

— Нельзя выносить, — сказал Мел.

— Уже вынес.

Он дал одну мне.

Каша была густая, солёная и совершенно нормальная. Я съел две порции. Потом поймал себя на том, что разглядываю металлическую ложку, пытаюсь понять, откуда её вообще берут в магической Академии.

— Что? — спросил Мел.

— Ничего.

Не всё нуждалось в объяснении прямо сейчас.

После завтрака за мной пришёл Дорн.

— На разбор.

Мел присвистнул.

— С утра?

— А что?

— Ничего.

Это «ничего» мне не понравилось.

Разбор проходил не в приёмной. Дорн привёл меня в старый корпус, где стены были отделаны тёмным деревом, а светильники висели реже. Мы поднялись на два этажа и остановились перед широкой дверью.

На ней не было ручки.

— Жди здесь.

— А вы?

— Я дальше не нужен.

— Очень удобно.

Дорн уже уходил.

— Дорн.

Он остановился.

— Что там?

— Порог.

— Это я вижу.

— Тогда справишься.

Он ушёл.

Я постоял перед дверью. Слева был стул, справа — горшок с почти засохшим растением. На стене висела табличка с местными знаками. Трогать я её не стал.

Через несколько минут пришла девушка лет семнадцати, с коротко остриженными волосами. Села на стул, достала из кармана нитку и начала пришивать пуговицу.

— Ты тоже на разбор? — спросил я.

— Нет.

— Тогда зачем здесь сидишь?

— Жду сестру.

Она откусила нитку.

— А ты?

— Похоже, на разбор.

— Первый?

— Надеюсь.

Она посмотрела на мою клетку.

— А-а.

— Что «а-а»?

— Ничего.

Я начал ненавидеть это слово.

Дверь открылась минут через десять. Из неё вышел мальчишка в серой форме, бледный и злой. Девушка сразу встала.

— Ну?

— Два месяца без северных ходов.

— Я же говорила.

— Молчи.

Они ушли, споря.

Дверь осталась открыта.

Я заглянул внутрь.

Небольшая комната. Стол, два кресла, книжный шкаф. Никакой бездны и говорящих стен. За столом сидела полная женщина с седыми волосами и листала бумаги.

— Закрой за собой.

Я вошёл.

Ручка с внутренней стороны была.

— Ян?

— Да.

— Садись.

Я поставил клетку рядом со стулом.

— На стол не надо, — сказала женщина.

— Я и не собирался.

Она подняла глаза.

— Хорошо.

На столе перед ней лежали мои бумаги. Та самая временная запись Дорна, ещё несколько листов и металлическая пластина.

— Меня зовут Нейра Вель. Я веду приём первого цикла. У тебя приёма не было, поэтому сейчас будем изображать, что был.

Она говорила быстро и иногда проглатывала окончания слов.

— Имя полное.

Я назвал.

— Возраст.

Назвал.

— Родовая отметка?

— Не знаю, что это.

Она сделала пометку.

— Дом?

Я назвал адрес.

Нейра перестала писать.

— Это не дом.

— Для меня дом.

— Хорошо. Земля?

— Россия.

— Контур?

— Уже спрашивали. Не знаю.

Она отложила перо и посмотрела на меня внимательнее.

— Ты понимаешь нашу речь.

— Да.

— Читать умеешь?

— Вашу — нет.

— Писать?

— Тоже нет.

— Нормально, — сказала Нейра. — Живую речь Порог обычно протягивает смыслом.

С письмом так не работает.

— Считать?

— Да.

— До скольких?

Я не сразу понял вопрос.

— Насколько надо.

Нейра записала что-то ещё.

— Светильник открой.

— Мне сказали не открывать клетку.

— Кто?

— Ирна. Дорн.

— Правильно сказали. Тогда не открывай.

Она встала, подошла ближе и осмотрела клетку снаружи.

Синий огонь почти не реагировал.

— Голос был?

Я помедлил.

— Был.

— Что говорил?

Я рассказал всё, кроме последнего «ты меня не помнишь». Сам не понял почему. Может, потому что эти слова уже казались моими, а не их проблемой.

Нейра слушала молча. Потом вернулась к столу.

— С этим разберутся отдельно.

— Кто?

— Люди, которым за это платят.

— Здесь платят?

Она подняла брови.

— Конечно.

Я почему-то рассмеялся.

Нейра подождала, пока я перестану.

— Закончил?

— Да. Простите.

— Я понимаю. Первые сутки у всех плохие.

— У всех так?

— Нет. У тебя особенно.

Она перевернула металлическую пластину.

— Теперь главное. Академия не считает тебя принятым. Но ты находишься внутри, пользуешься ходовыми и не рассыпаешься. Значит, нужен временный допуск.

— А потом?

— Потом решат, что с тобой делать.

Она подошла к двери и открыла её.

За дверью больше не было коридора.

Я встал.

Там находился узкий каменный проход длиной метров десять. В конце — ещё одна дверь. Без ручки.

— Это Порог, — сказала Нейра. — Пройди и вернись.

— Просто пройти?

— Если получится.

— А если нет?

Она пожала плечами.

— Тогда вернёшься отсюда.

Я посмотрел на неё.

— Это было очень информативно.

— Ян. Я принимаю по тридцать человек в неделю. Если начну каждому объяснять ощущения заранее, половина будет чувствовать то, что я им подсказала. Иди.

Логика была раздражающая, но рабочая.

Я поднял клетку и шагнул в проход.

Первые несколько метров ничего не случилось.

Камень, слабый свет, мои шаги.

Потом клетка стала тяжелее.

Я перехватил ремень.
Ещё шаг.
Синий огонь погас.
Я остановился.
Сзади Нейра что-то сказала, но слов я не разобрал.
Передняя дверь оставалась закрытой.
Я пошёл дальше.
На шестом шаге стало трудно вспомнить, зачем я вообще иду.
Не страшно. Просто мысль расползалась. Я знал, что за спиной комната, женщина, бумаги. Знал, что впереди дверь. Но причина исчезла.
Я остановился и посмотрел на ладони.
На левой всё ещё была красная полоса от ожога.
Это помогло.
Я вспомнил ходовой. Ирну. Мамин звонок.
Мама.
Имя возникло сразу. Лицо — не сразу.
Я резко вдохнул.
Теперь стало страшно.
Я попытался представить её кухню. Чашку с облупленным рисунком. Кота соседки на фотографии.
Получилось.
Передняя дверь дрогнула.
До неё оставалось три шага.
Я сделал один.
В голове прозвучал вопрос.
Не голос. Просто смысл, который оказался там без слов.
Имя.
— Ян, — сказал я.
Ничего.
Полное.
Я назвал себя полностью.
Дверь не открылась.
Ещё шаг.
Что оставил?
Я сначала подумал про телефон.
Потом про квартиру.
Про работу.
Всё это было правдой, но почему-то не подходило.
Я стоял посреди прохода и злился на дверь за то, что она заставляет меня играть в угадайку.
— Я не знаю.
Стало легче.
Не потому, что ответ оказался правильным. Просто я перестал подбирать красивый вариант.
Я сделал последний шаг.
Дверь открылась.
За ней был тот же кабинет Нейры.
Только я вошёл с противоположной стороны.
Она сидела за столом и что-то ела из бумажного свёртка.

— Всё? — спросил я.
Нейра прожевала.
— Да.
— И что выяснили?
Она посмотрела на пластину.
На ней появилась тонкая тёмная линия.
— Что Порог тебя пропускает.
— А остальное?
— Остальное он мне не рассказывает.
Я сел обратно.
Светильник в клетке снова загорелся.
Нейра нахмурилась.
— Он погасал внутри?
— Да.
— Совсем?
— Да.
Она убрала еду.
— Так не должно быть.
— Мне это сегодня уже говорили.
Нейра подняла пластину к свету.
Тёмная линия на ней медленно разделилась надвое.
Она перестала жевать.
— Вот этого тоже быть не должно.

Глава 8. Первый урок

К обеду у меня появился временный допуск, номер комнаты, расписание на три дня и запрет покидать центральный корпус без сопровождающего.

Последнее особенно обрадовало Мела.

— Я могу быть сопровождающим.

— С чего вдруг?

— Мне за это зачтут два дежурства.

— Тогда нет.

— Подумай.

— Уже.

Он пожал плечами и продолжил зашивать рукав.

Лес лежал на своей кровати вниз головой и читал книгу. Ноги торчали вверх по стене.

— Ты в первый цикл попал? — спросил он.

— В расписании написано «Основы удержания». Это оно?

— Ага.

— И что там делают?

— Удерживают.

Я кинул в него подушкой.

Он поймал её, не отрываясь от книги.

— Серьёзно.

— Серьёзно удерживают.

Мел помог больше. Первый цикл, как выяснилось, был общей подготовкой для тех, кого Академия ещё не распределила по направлениям. Свет здесь использовали почти все, но по-разному: кто-то работал с памятью, кто-то с телом, кто-то с пространством, кто-то с вещами. Определение способности занимало от нескольких недель до года.

— А если ничего нет? — спросил я.

— Тогда тоже учишься, — сказал Мел. — Просто потом работаешь там, где не надо ничего особенного.

— Например?

— Дорн.

Из коридора донёсся голос Дорна:

— Я всё слышу.

Мел побледнел.

Я выглянул.

Дорн действительно стоял у двери.

— За Яном пришёл.

— А я ничего плохого не говорил, — быстро сказал Мел.

— Я знаю.

— Тогда почему вы так смотрите?

— У меня лицо такое.

Мы ушли.

Первый учебный зал находился в нижнем корпусе. Никакого амфитеатра. Обычная длинная аудитория с окнами под потолком, деревянными столами и чёрной доской. На доске кто-то оставил рисунок человека, которого тащат за ноги в яму. Под рисунком стояла подпись местными знаками.

Я её не прочитал.

В аудитории было человек двадцать. Большинство моего возраста или младше. Кто-то разговаривал, кто-то спал, положив голову на стол. У каждой парты имелась металлическая подставка для светильника.

Дорн привёл меня к преподавателю.

Это была высокая женщина с очень короткими седыми волосами и ожогом на шее. Она заполняла журнал стоя.

— Тасса, временный.

— Вижу.

— Не видишь. Он без записи.

— Тогда зачем принёс?

— Нейра дала допуск.

Тасса протянула руку. Дорн отдал ей пластину.

Она прочитала, перевернула, снова прочитала.

— Двойная отметка?

— Да.

— Кто поставил?

— Порог.

Тасса посмотрела на меня.

— Сядешь с краю. Ничего не трогаешь, пока я не скажу.

— Мне уже знакомо это правило.

— Значит, есть шанс дожить до вечера.

Дорн ушёл.

Свободное место нашлось рядом с девушкой в синем жилете. Она убрала с моей половины стола сумку и пару минут делала вид, что меня нет.

Я поставил клетку на подставку.

Она сразу повернула голову.

— Это карантинная?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— А огонь синий почему?

— Тоже не знаю.

Девушка вздохнула.

— С тобой скучно.

— Извини.

— Я Вера.

— Ян.

Она кивнула и открыла тетрадь.

Тасса хлопнула журналом по столу.

Разговоры стихли не сразу. Парень у окна ещё что-то договаривал соседу. Тасса дождала, пока закончит.

— Всё?

— Теперь да.

— Хорошо. Тогда сегодня снова удержание. Кто вчера провалил две меры — работает на одной. Кто провалил одну — на двух. Кто ничего не провалил, перестаёт улыбаться, вам дадут три.

Несколько человек застонали.

Мне Вера шёпотом объяснила, что «мера» — количество огня, которое нужно удержать вне светильника.

— Как вне?

— Сейчас увидишь.

На каждом столе лежала маленькая керамическая чашка. Тасса прошла вдоль рядов и бросила в каждую по щепотке чёрного порошка.

— Светильник открыли. Огонь не руками. Кто полезет пальцами, идёт к Дорну и потом моет аудиторию.

Студенты начали работать.

Вера сняла стекло со своего светильника. Внутри горел жёлтый огонь. Она поднесла ладонь сбоку, не касаясь пламени.

Огонь дрогнул.

От него отделился крошечный язычок и медленно поплыл к чашке.

Я смотрел, забыв моргать.

Язычок коснулся порошка. Тот загорелся белым.

— Всё, — сказала Вера.

— Как ты это сделала?

— Рукой.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она уже вытягивала второй язычок.

У других получалось по-разному. У парня впереди огонь сорвался и погас на полпути. Девушка у окна перенесла сразу два и теперь сидела, сжав зубы. У кого-то пламя тянулось ровной тонкой нитью.

Тасса ходила между рядами и вмешивалась только когда становилось опасно.

— Ян, — сказала она наконец.

Я поднял голову.

— Клетку открой.

В аудитории стало тише.

— Мне запрещали.

— Я разрешаю.

— Ирна запрещала.

Тасса посмотрела на мою пластину.

— Тогда не открывай.

Она пошла дальше.

Я остался сидеть.

Несколько студентов разочарованно отвернулись.

— И всё? — шепнула Вера.

— А ты чего ждала?

— Не знаю. Взрыва.

— Я тоже не против без него.

Через пять минут Тасса вернулась с учебным светильником. Простым, без стекла, как ходовые.

— Этот не привязан. Попробуешь на нём.

Она поставила его на край стола.

Жёлтое пламя горело низко.

— Что делать?

— Ничего особенного. Не тяни. Почувствуй край и подай направление.

— Как почувствовать край?

Тасса посмотрела на Веру.

— Покажи ему.

Вера недовольно отложила перо.
— Руку сюда. Нет, не так. Ладонь боком.
Она взяла меня за запястье и поставила ладонь рядом с пламенем.
— Не хватай. Просто держи.
Огонь качнулся к пальцам.
Вера отпустила меня.
— Чувствуешь?
— Тепло.
— Не тепло.
— Тогда нет.
— Подожди.
Я подождал.
Пламя качнулось снова.
Внутри ладони что-то неприятно потянуло. Не боль. Скорее ощущение, будто рука затекла, хотя я ею двигал.
— Есть.
— Теперь к чашке.
Я медленно повёл ладонь в сторону.
Огонь последовал за ней.
На соседней парте кто-то перестал работать.
Я сделал ещё сантиметр.
Пламя вытянулось.
И погасло.
— Нормально, — сказала Вера.
Тасса молчала.
Я посмотрел на светильник.
Внутри снова загорелась искра.
— Ещё раз? — спросил я.
— Ещё.
Вторая попытка закончилась так же.
На третьей огонь не вытянулся. Он ушёл вниз, внутрь светильника, и через секунду появился в моей карантинной клетке.
Синий огонь вспыхнул жёлтым по краям.
Вера отодвинулась.
— Ты это специально?
— Нет.
Тасса резко закрыла учебный светильник металлической крышкой.
— Руки со стола.
Я убрал.
Синий огонь в клетке продолжал гореть выше обычного.
В аудитории уже никто не работал.
— Продолжаем, — сказала Тасса.
Никто не продолжил.
Она ударила ладонью по столу.
— Я сказала продолжаем.
Студенты зашевелились.
Тасса наклонилась ко мне.
— Ты раньше работал со светом?
— Сегодня ночью сунул руку в ходовой. Это считается?

Она медленно выпрямилась.

— Нет.

— Тогда нет.

Тасса забрала учебный светильник.

— Сегодня больше не пробуешь.

— Почему?

— Потому что я не знаю, куда у тебя уходит свет.

— В мой светильник?

— Это я вижу.

Она сказала почти теми же словами, что Ирна ночью, но раздражалась совсем иначе: Ирну бесило, когда ей мешали работать. Тассу — когда она чего-то не понимала.

До конца занятия я только смотрел.

Это оказалось полезнее, чем я ожидал. Студенты действительно были разными. Вера работала аккуратно, но медленно. Парень впереди постоянно пытался взять больше, чем мог, и дважды обжёг порошок до чёрного комка. Девушка у окна удерживала сразу три огонька, зато после каждого подхода массировала виски.

Никаких заклинаний. Никаких красивых жестов. Они ошибались, ругались, просили соседей придержать стекло, менялись щипцами.

Почти как лабораторная работа.

От этой мысли мне стало немного спокойнее.

В конце занятия Тасса собирала чашки. Я помогал, потому что делать всё равно было нечего.

— Эту не бери, — сказала она.

Я уже держал чашку.

— Почему?

— Там горячо.

Я поставил обратно.

Вера засмеялась.

— Вот теперь поверил?

— Учусь.

Она закинула сумку на плечо.

— Ты завтра опять здесь?

Я посмотрел в расписание.

— Если меня к тому времени не выкинут.

— Тогда увидимся.

Она ушла вместе с остальными.

Тасса закрыла дверь аудитории.

— Клетку сюда.

Я поставил её на преподавательский стол.

— Открывать будете?

— Нет.

Она достала полоску тонкой бумаги и просунула между прутьями, не касаясь стекла. Бумага загорелась.

Не синим.

Обычным жёлтым огнём.

Тасса быстро выдернула её и бросила в пустую чашку.

— Что это значит?

Она не ответила сразу.

Потом посмотрела на мой временный допуск.

— Что твой светильник умеет брать чужой свет.
Я вспомнил, как ходовые гасли рядом со мной ночью.
— Это плохо?
— Если ты не научишься останавливаться — да.
Из клетки тихо донёлся голос.
Совсем слабый, так что я сначала решил, что показалось.
— Не учись.
Я поднял голову.
Тасса ничего не услышала.

Глава 9. Спящий дар

После урока Тасса не отпустила меня сразу.

Я сидел за первой партой и ждал, пока она закончит что-то записывать. Клетка стояла у ноги. Внутри было тихо. Даже слишком тихо после «не учись».

— Ты чего ждёшь? — спросила Тасса.

— Вы сказали остаться.

— А. Точно.

Она листнула журнал назад, нашла нужную строку и поманила меня пальцем.

— Иди сюда.

На преподавательском столе лежали три металлические шайбы, кусок мела и небольшая деревянная коробка.

— Это ещё один тест?

— Нет. Мне скучно, решила разобрать тебя на части.

— Шутка, — сказала Тасса. — Плохая. Сядь.

Она пододвинула к краю стола первую шайбу.

— У нас есть простой способ проверить, что человек хотя бы не опасен для общей практики. Не определить дар. До этого далеко. Просто посмотреть, как он ведёт себя рядом с разными нагрузками.

— И если я опасен?

— Будешь заниматься отдельно.

— А если очень опасен?

— Тогда отдельно и далеко.

Тасса взяла мел и начертила на столе круг. Поставила внутрь шайбу.

— Руку рядом. Не касайся.

Я положил ладонь.

Шайба была холодная, матовая, ничем не примечательная.

— Что чувствуешь?

— Ничего.

Она заменила её второй.

Через несколько секунд в пальцах появилось лёгкое покалывание.

— Есть что-то.

— Где?

Я показал.

Тасса записала.

Третья шайба дала странный эффект. Я не почувствовал ничего в руке, зато клетка у ноги тихо звякнула.

Тасса замерла с пером над бумагой.

— Ещё раз.

Она убрала шайбу, подождала, вернула.

Светильник звякнул.

— Это к чему? — спросил я.

— Пока ни к чему.

Она положила шайбу в коробку.

— Теперь встань.

Я встал.

— Идём.

Мы вышли через заднюю дверь аудитории. За ней оказался короткий служебный коридор, потом лестница вниз. Тасса шла быстро. Я едва успевал, потому что клетка билась о бедро.

— Куда мы?

— На определение.

— Вы только что сказали, что до него далеко.

— Я передумала.

— Почему?

— Потому что третья шайба должна реагировать на память. Она не трогает светильники.

— А мой тронула.

— Да.

Она сказала это без всякой драматичности и открыла дверь в подвал.

Там пахло сыростью и чем-то сладким. Вдоль стен стояли шкафы. В центре — пять высоких стоек со стеклянными шарами наверху.

За столом дремал мужчина с длинной белой бородой. Перед ним лежала раскрытая книга, на книге — очки.

Тасса постучала по столу.

Мужчина открыл один глаз.

— Занято.

— Ты спишь.

— Это работа с внутренним слоем.

— Ровен.

Он открыл второй глаз, увидел меня и выпрямился.

— А. Карантинный.

Я уже начал привыкать, что меня узнают раньше, чем я успеваю представиться.

— Ян, — сказал я.

— Я знаю.

— Конечно.

Ровен отодвинул книгу.

— Что случилось?

Тасса положила перед ним третью шайбу.

— Памятная отозвалась на его светильник.

Ровен взял шайбу, понюхал её.

— Зачем вы все всё нюхаете?

Он посмотрел на меня.

— Чтобы знать, не пролил ли кто-нибудь раствор.

— А.

— Иногда ответы скучные.

Он поставил шайбу на место и поднялся. Был он худой, сутулый, с руками, испачканными чернилами до запястий.

— Клетку на стул. Сам сюда.

Я оставил светильник у стены и подошёл к стойкам.

— Что делать?

— Сначала ничего.

Ровен развернул один шар ко мне. Внутри стекла плавала мутная жидкость.

— Смотри в центр.

Я посмотрел.

Сначала увидел своё отражение. Потом оно смазлось.

Комната исчезла.

Я снова стоял на кухне.

Не той, что исчезла за чёрной стеной. Маминой.

Старый стол у окна. Чайник с облупившейся ручкой. На подоконнике банка с укропом, который она каждый год пыталась выращивать и каждый год забывала поливать.

Мама стояла спиной и что-то резала.

— Мам?

Она не обернулась.

Я сделал шаг.

Тасса где-то далеко сказала:

— Не двигайся.

Кухня дрогнула.

На столе появилась моя свеча.

Та самая, дешёвая, в стеклянном стакане.

Пламя было синее.

Мама наконец повернулась.

Лица у неё не было.

Я отшатнулся.

Картинка сломалась.

Вместо кухни — длинный зал. Каменные стены, высокие окна, люди в серой форме. Кто-то кричит. По полу ползёт огонь.

Я видел это не глазами. Слишком быстро, слишком близко. Чужие руки тащили кого-то за плечи. На пальцах была кровь. В центре зала лежал разбитый светильник.

Кто-то повторял одно и то же слово.

Я не понимал его.

Потом понял смысл.

Закрой.

Закрой.

Закрой.

Я дёрнулся назад и ударился спиной о стойку.

Стеклянный шар лопнул.

Жидкость хлынула на пол.

— Твою мать! — заорал Ровен.

Тасса схватила меня за плечи и оттащила к стене.

Я кашлял. В горле стоял вкус дыма.

— Ян. На меня смотри.

Я смотрел куда-то мимо.

— Ян!

Я наконец увидел Тассу.

— Там горело.

— Что?

— Зал. Люди.

Ровен стоял на коленях и собирал осколки в таз. По его лицу было понятно, что стоимость шара интересует его сейчас сильнее моего видения.

— Ноги подними, — сказал он.

— Что?

— Стекло. Ноги.

Я послушался.

Тасса сунула мне стул.

— Сядь.

Я сел.

Светильник в клетке горел ярко. Слишком ярко. Синий цвет почти исчез под белым. Ровен заметил.

— Это он сейчас так?

— Да, — сказала Тасса.

— До шара был синий?

— Да.

Он забыл про осколки и подошёл.

— Не открывай.

— Я не собирался.

Ровен присел рядом с клеткой.

— Что ты видел до зала?

— Кухню.

— Свою?

— Мамину.

— Она была там?

— Да.

— Что делала?

— Резала что-то. Не знаю.

— Потом?

Я не хотел рассказывать про лицо. Глупо, но именно это застряло сильнее пожара.

— Повернулась.

— И?

— Ничего.

Ровен смотрел ещё секунду, потом отстал.

— А зал знакомый?

— Нет.

— Люди?

— Нет.

— Светильник?

Я вспомнил разбитое стекло.

— Похож на этот.

Тасса и Ровен одновременно посмотрели на клетку.

— Похож или такой же? — спросила Тасса.

— Не знаю. Я видел секунду.

Ровен поднялся.

— Всё. На сегодня хватит.

— А дар?

— Не определён.

— Очень продуктивно.

— Зато шар определённо разбит.

Он снова опустился к тазу.

Тасса помогла мне встать.

— Можешь идти?

— Да.

Ноги дрожали, но держали.

У двери я оглянулся.

Ровен уже что-то ворчал про заявку на новый шар.

Тасса шла рядом молча почти до лестницы.

— Это была моя память? — спросил я.

— Кухня — возможно.

— А пожар?

— Не знаю.

— Может, из светильника?

Она остановилась.

— Может.

— Тогда внутри всё-таки кто-то есть.

— Не делай вывод из одного проваленного теста.

— Я видел чужие руки.

— А я однажды на определении видела себя рыбой. Рыбой я не стала.

— Это должно успокаивать?

— Нет. Это должно мешать тебе придумывать объяснение раньше времени.

Мы вышли в коридор.

Там нас ждала Вера.

Она сидела на подоконнике и ела яблоко.

— Долго вы.

Тасса посмотрела на неё.

— Ты почему не на письме?

Вера замерла с яблоком у рта.

— Я...

— Иди.

Она вскочила.

— Яна проводить надо.

— Не надо.

— У него же запрет.

Тасса задумалась.

— Тогда проводи и сразу на письмо. Я проверю.

Вера дождалась, пока преподаватель уйдёт.

— Что было?

— Шар разбил.

— Какой?

— Стекланный.

— Я поняла, что не деревянный.

Я не ответил.

Она посмотрела на моё лицо и перестала улыбаться.

— Плохо?

— Не знаю.

— Ладно.

Мы пошли к жилому корпусу.

По пути Вера рассказывала, что письмо ведёт преподаватель, который ненавидит левшей, хотя сам левша. Я слушал вполуха.

У лестницы клетка вдруг стала тёплой.

Не горячее. Просто заметно теплее.

Я остановился.

— Что?

— Ничего.

Вера посмотрела на светильник.

— Он цвет поменял.

Я опустил глаза.

Синий огонь снова был обычным.

На внутренней стороне треснувшего стекла проступил чёрный отпечаток пальцев.

Пять полос, будто кто-то изнутри только что прижал ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.